

Мы делаем то, что нравится людям

У подьезда Театра имени Пушкина небольшая, но плотная толпа — спектакль поставил кинорежиссер Дмитрий Астрахан («Изыди», «Ты у меня одна», «Все будет хорошо», «Зал ожидания»). Он называется «Леди на день»: в основу пьесы, которую написал давний соавтор Астрахана Олег Данилов, лег фильм драматурга Рискина. Премьера прошла с ажиотажем, под бурные, продолжительные аплодисменты, временами переходящие в овации, — режиссер и в самом деле знает секрет успеха. В Минске Астрахан продюсирует две картины, которые немцы делают с американским режиссером и американскими и русскими артистами. Скоро выйдет его новый фильм «Алхимики» — авантюрная комедия в стихах со Стояновым, Олейниковым и Анной Легчиловой в главных ролях — Олег Данилов написал сценарий по мотивам произведений Бена Джонсона... Астрахан в полном порядке, и это находится в таком вопиющем противоречии с тем, что происходит в постсоветском кино. Виду этого тема разговора обозначилась сама собой.

— Фильмы не снимаются, режиссеры и актеры в простое, всем не очень хорошо, а вы выпускаете одну ленту за другой. В чем секрет?

— Специальных секретов нет — как я работал, так и работаю. Я снимаю, Олег Данилов пишет сценарии, и мы оба получаем удовольствие: ему нравится сочинять, мне нравится возиться с актерами. Когда я заканчиваю снимать предыдущий фильм, у него уже готов новый сценарий. Я начинаю снимать, и когда дело подходит к концу, у Олега на подходе следующий... Процесс не заканчивается никогда, и у нас все время есть идеи, которые мы хотим воплотить...

— А вот правду читателям «Известий» вы говорить не хотите и секрета не раскрываете...

— Да бог с вами, какой секрет! Просто то, что мы делаем, нравится людям.

— А я то думал, что дело в другом — им нужны простые до банальности, но греющие душу вещи...

— Это не так. Им нужно разное, но подлинное. Комедия — так комедия. Мелодрама — так мелодрама. Должно быть интересно, ярко, талантливо и неожиданно. Зал должен думать, рыдать или смеяться, а если в процессе работы не заплачешь ты сам, то и зритель этого не сделает.

— Вы начинали как театральный режиссер, а им редко удается преуспеть в кино.

— Я ленинградец и закончил Ленинградский театральный институт в классе Александра Александровича Музиля — в его спектаклях одновременно работали Симонов, Черкасов и Толубеев. Когда я закончил институт, то мой дипломный спектакль, поставленный в Свердловске, стал лауреатом премии Ленинского комсомола. В Свердловском ТЮЗе я проработал шесть лет — и зритель на мои спектакли вал. Потом я ушел в БДТ к Товстоногову, и за первые два спектакля я был признан в Ленинграде лучшим режиссером года. Затем я был приглашен — по предложению труппы! — худруком в Театр комедии. Там я проработал пять лет...

— И с театром, насколько мне известно, не справились.

— Мне было там очень хорошо, но на свою беду тогда я снял

фильм «Изыди». После этого я снимал по картине каждый год — и разрывался между театром и кино. Но Театр комедии пользовался успехом, со зрителем все было в порядке — он смеялся, и это раздражало театральную критику. На обсуждениях говорили, что зал смеется животным смехом, — а что он еще должен был делать в театре комедии? А как произошла эта перемена в моей судьбе, я и сам не знаю, просто мне очень хотелось снять кино. Мой постоянный соавтор Олег Данилов тоже ведь театральный драматург — вот нам и показалось, что наши мысли могут быть интересны не только залу на восемьсот человек, но и всей планете...

— О планете нам, наверное, судить будет сложно, но чего ждет от кино наш сегодняшний зритель, наша страна?

— С «Изыди» я объехал весь мир: его посмотрели все голливудские компании. «Списка Шиндлера» еще не было, а черно-белые погромы уже были сняты в «Изыди», и я знаю, что у Спилберга его смотрели. Так что с планетой все было в порядке, но потом нам захотелось снять фильм про другое. Про современника. Про наше время. Хотелось ухватить его главный конфликт — и униженный и оскорбленный инженер Тимошин из «Ты у меня одна», умудрившийся тем не менее сохранить достоинство, был, как нам показалось, узнаваем. А следующий фильм был про другое — ведь зритель все время ждет нового...

— Но сказки, которые вы рассказываете, ему тем не менее не припадают.

— Так ведь все кино — сказка. И «Изыди», и «Список Шиндлера». Критики поспешили навесить на мои фильмы ярлык утешительства, но ведь во «Все будет хорошо» парню говорят: если ты неталантлив, то ничего не жди от жизни, старик! Жизнь так ударит тебя по лицу, что ты не справишься, не получишь девушку, которую ты любишь, и не станешь счастливым. Счастливыми становятся единицы. Избранные. Самые талантливые и удачливые, самые напористые, самые стремительные и рискованные. Если ты хочешь чего-то добиться, то тебе придется переломиться, вывернуть себя наизнан-

ЕЛАДИМИР МАКОВСКИЙ

ку. И тогда у тебя в жизни все будет хорошо. Девочка из общежития рискнула, прождала два года парня, не думая о том, что он звезда, а она никто, — и жизнь ее за это наградила. А тот, кто ничего не делает, не получает ничего — какое же тут утешение? Наш фильм мог бы называться «Каждому свое», если бы эта фраза уже не была на воротах Освенцима. Ассоциации бы были нежелательными. Но по сути это верно — ведь жизнь очень жестока. А секрет у меня один: если я плачу, читая написанную Олегом сцену, то и зритель будет плакать. Я понимаю, что я должен передать ему свое чувство, — и, как правило, мне это удается. В этом смысле «Зал ожидания» для нас фильм программный — и по тому количеству отзывов, которые пришли на ОРТ, я понимаю, что зритель нас понял. В нем мы старались осмыслить время, показать, как ломается жизнь и на смену одному строю приходит другой, найти новые характеры, которых не было в нашем кино. И разве Тихонову с его порядочным и растерянным учителем это не удалось? Разве это не вышло у Ульянова с его мэром, не вышло у Боярского, играющего современную вариацию лесковского

очарованного странника? Поэтому фильм и вызвал такой мощный зрительский резонанс. А я могу посмотреть заумное кино, снятое для элиты, — и останусь равнодушным. И, к сожалению, не только я.

— Значит, интеллектуальную элиту вы не любите?

— Я не люблю, когда людей делают на элиту и всех остальных, мне сам подход омерзитель. Выходит, зал, который собирают мои фильмы, бездуховен, а кино-критики духовны? Что ж это у нас такое получается?

— Каждому свое.

— Ну да... Но тут есть один нюанс. Мольер не делил зрителей на элиту и быдло: его спектакли смотрели король, маркиз, ученый и плотник — они вместе плакали и вместе смеялись. Задача искусства в том, чтобы быть понятным всем и каждому: и работае, и суперинтеллектуалу. Искусство не должно разъединять людей — они должны выходить из зала, чувствуя, что в этом мире они не одиноки. Настоящему искусству свойственна огромная положительная энергия — будь то драма, комедия или утешительная сказка. Главное, чтобы товар был чистым, чтобы зритель удалось испытать эмоцию.

— Вы в своих фильмах собрали целую коллекцию героев нашего времени. Но в новую эпоху мы вступаем не каждый год — кто, на ваш взгляд, является героем февраля 2000 года?

— Очень хочется найти положительного героя. Это реальная проблема — кому я, зритель, сострадать-то должен? Но Олег пишет так, что в наших фильмах нет плохих людей. Про злодея сделать кино просто: понятен конфликт, драматургу есть о чем писать — но без злодея интересней. Дело в том, что в жизни никаких злодеев нет, в ней все сложнее: я не злодей, мои знакомые не злодеи, и мы хотим смотреть кино про себя.

— И Япончик не злодей, и «коптевские» не злодеи...

— «Коптевские», наверное, злодеи — когда они убивают. Наверное, этому можно посвятить фильм. Но героями они быть не могут. К тому же мне снимать про злодеев как-то неинтересно. Да и зрителю интересней смотреть кино про себя. Надо делать фильмы, где он будет себя узнавать, где он станет сострадать персонажу. Злодей, монстр, маньяк для него останутся картинками из «Жизни насекомых». Он хочет смотреть кино «про жизнь», а в

ней злодеи — редкость. А если все вокруг хорошие люди, все хотят добра и при этом все несчастливы, результат будет иным — тут зритель призадумается. Он хочет счастья, он хочет любви и успеха, он хочет, чтобы ему были верны. Если ты снимаешь кино про эти ценности и они стоят у тебя во главе угла, то тогда есть шанс на удачу.

— Но шанса потеснить Голливуд на своем собственном рынке у нашего кино, похоже, нет.

— Все еще будет хорошо и правильно: мы ведь только начинаем. Как только наш рынок двинется вперед, вслед за ним пойдет и кино — и его взлет будет очень мощным. И тогда люди захотят увидеть кино про нашу жизнь — а про нее надо уметь интересно и заразительно рассказывать. Не про «уродов и глухих», а про людей.

— Про кухни, кастрюли, захламленный коридор...

— Про человека. Про его любовь, достоинство, верность. Кастрюли могут определять сознание, но жизнь определяют не они. И не разного рода экстравантности — с ними мы Голливуд не потесним никогда.

— Наши художники слегка презирают маленького человека — того, кто живет с располневшей женой, получает маленькую зарплату и мечтает о старых «Жигулях». Приземленная, муравьиная постсоветская жизнь их, мягко говоря, не восхищает — а вы таких людей любите.

— Люблю. Я ведь и сам из инженерной среды: я пятый сын в большой семье, рос во дворе, учился в математической школе, затем в Электротехническом институте. А Олег шестнадцать лет преподавал в ПТУ и много общался с этими ребятами... Руссо говорил, что и философы, и простые крестьяне — прекрасные люди. Все эло от полуобразованных. Так и есть: когда кинофестиваль делится на кино для избранных и кино для всех, то это, по моему, чистой воды дикость. Надо любить своих героев и уважать своих зрителей — иначе у тебя ничего не получится. Феллини был влюблен в проститутку Кабирику не только потому, что ее играла его жена Джульетта Мазина. Если ты любишь героя, то обязательно найдешь нужные краски и вместе с актером сделаешь из него живого человека.

— Ваши картины финансируют частные спонсоры?

— По-разному. Деньги на «Ты у меня одна» дал мой приятель — он захотел заняться кино, и я его снял. «Все будет хорошо» финансировали и частные инвесторы, и Госкино...

— Вы — выгодное вложение, ваши картины окупаются?

— Насколько я знаю, окупилось все. Но в детали я не вхожу. Я снимаю кино — и так как люди дают мне деньги и дальше, я понимаю, что им это выгодно.

Алексей ФИЛИПОВ